

Парламентская гал. - 2000. - 9 нояб. - с. 10.

ОСЕННИЙ ДИВЕРТИСМЕНТ

Праправнучка Гиляровского призывает беречь старую Москву

Увы, москвичи не знают свой город. Лишь каждый двадцатый столичный житель ориентируется в нем уверенно. К такому выводу пришла молодая московская художница, праправнучка знаменитого русского журналиста Владимира Гиляровского Елена АБА-РЕНКОВА. Однако, добавляет она, москвичи любят город и желают знать о нем больше. Какой он, «лучший город Земли», глазами художника? Что происходит с ним в процессе обновления? На этот и другие вопросы мы попросили ответить саму Елену Валерьевну Абаренкову после осмотра серии картин о Москве на последней ее выставке «Осенний дивертисмент» в библиотеке искусств №73 имени А.П. Боголюбова.

— Елена Валерьевна, тема вашей выставки, которая недавно состоялась в галерее Совета Федерации, — старая Москва изнутри, в интерьерах квартир. В этот раз вы вышли на улицу. Надоело сидеть дома?..

— В нашем доме в Столешниковом переулке, где жил дядя Гиляй, мой прадед, украли две вещи: входную дверную ручку и номерную печную задвижку-вьюшку. Я считаю, что ремонтные рабочие осиротили наш дом и снаружи, и изнутри. Такое же происходит и со всем городом. Сегодня я запечатаю в картинах то, что не успели еще переделать или разрушить как внутри, так и снаружи.

— Столица сильно изменилась за последние годы?

— Не буду судить. А вот то, что она стянула свою архитектурную уникальность, старину — точно. Непереломанным местом остался, пожалуй, Покровский холм. Это территория от улицы Солянка до Покровского бульвара и от Котельнической набережной до улицы Покровка. Здесь много палат XVII века, древние заброшенные монастыри — «здесь русский дух...». Однако рисовать даже то, что осталось, с каждым днем все сложнее — всюду уже частная собственность!..

— Чем же ей, родной, мешают художники? Должна б на небеси

вознестись — увековечивают... —

— Есть в Москве роскошное место в Колпачном переулке — палаты князей Долгоруковых, основателей нашей златоглавой. Я решила их с краешка нарисовать. Расположилась метрах в десяти от них. Работаю. Вдруг распахивается дверь здания, и ко мне рысью подбегает охранник: «Прекратите рисовать! Здесь запрещено рисовать и фотографировать! Это — частная собственность!» Предъявляю удостоверение Союза художников. В ответ: «Если ваш Союз обратится к нашей службе безопасности за разрешением, то мы подумаем...» Поясняю, что не нарушила Венскую конвенцию и рисовала издавна. Молодой человек про конвенцию ни сном, ни духом. Дождался, когда я соберу вещи, довел до ворот: «Вы ведь для себя, для дипломного проекта, небось, рисуете. Вы свой частный интерес соблюдаете, а я — свой». Вот так я познакомилась лицом к лицу со столичной частной собственностью. Вы ее хотели?! — Получите!

— Простите, а что это за Венская конвенция для художников?

— Она разрешает нам располагаться не ближе двух метров к объекту рисования. Это меня друзья адвокаты научили. Посол Казахстана в Москве, родственник их президента, запретил фотографировать его особняк на Чистопрудном буль-

варе и даже весь бульвар. Решил, что ему, видно, по-родственному все можно в Москве. Вот и пришлось выяснять его права по Венской конвенции.

— А как обстоит дело с рисованием внутренних, квартирных интерьеров коренных москвичей? В шею гонят?

— Нет. Хотя вопрос, понимаете, щепетильный. Решаю его через родственников, знакомых, друзей. Причем вторичное, третичное, когда люди, переезжая из особняков, забирали с собой лишь самое ценное (с их точки зрения). Старинная обстановка, переходя из рук в руки родственников, исчезает. Молодым наплевать на те вещи, которые украшали жизнь их предков. Характерный пример тому — судьба дома-музея Павла Дмитриевича Корина, художника-иконописца. Первое, что сделали его племянницы уже после смерти вдовы Прасковьи Тихоновны — выкинули их супружескую кровать карельской березы...

— Все так грустно?..

— Как в жизни... У меня мечта — попасть порисовать в Юсуповский дворец. Сказочное место! Я там случайно побывала во время съемок какого-то фильма. В роскошных интерьерах бродил черт знает кто!

Могли стащить на память что угодно (как у нас номерную вьюшку). Благо, что бродящие ни черта не понимали в ценности юсуповских интерьеров. А там есть черный ход, лестница с золочеными львами (часть герба Юсуповых). Ульвов на спинах позолота вытерта. Легенда гласит, я узнала, что эти львы приносят богатство и счастье тому, кто их погладит. Вот гости и жильцы этого дворца и старались...

— Вот уж теплее на душе...

— А с москвичами всегда хорошо! Они и помогают рисовать (в закрытый от глаз людских Дом Пашкова меня водили тайком), и на выставки мои ходят (девять посетителей из десяти видели, как я рисую их дом, переулок, тупичок), и интересные адреса подсказывают (у одного москвича есть целое собрание елочных игрушек XIX века, обещали познакомить, да я не успела. Посмотреть бы их прямо на елке, а?!) Вы бы посмотрели на посетителей выставки! — Дети! Спорят до хрипоты и не узнают родную улицу, знаменитое здание, увиденное мною чуть под другим углом. Так что я на своих выставках еще и экскурсоводом работаю.

— Это, наверное, здорово — быть художником-экскурсоводом?

Елена Абаренкова

— Нет уж, каждому — свой интерес. Тут на меня родичи надели: покажи Москву, которую рисовала. Нет, говорю, граждане, вы обленились, походите по первопрестольной, поклоняйтесь ей, авось любимей и дороже станет. Любовь и дружба — тяжкий труд. Их ценить надо. Мне говорят, мол, что ты лезешь везде со своими выставками «поперед мэтров»?! Мужики, и те не суются! А я люблю Москву (не Питер, не Италию) больше всего на свете и страдаю от того, что теряю ее ежедневно по гвоздю, по изразцу, по дверной ручке и печной вьюшке. Но страдая, еще больше люблю и хочу с этой любовью до москвичей достучаться, чтобы они знали и помнили, что у нас не только дворцы из стекла и бетона есть, но были и Проломные ворота, Иверские, Архив Министерства иностранных дел на Воздвиженке, церковь Рождества, что в Столешниках... Моя добрая, хлебосольная, уютная Москва, где хочется просто жить, а не только «делать свой бизнес».

Беседовал
Анатолий СИДОРОВ.